

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.01

Правильная ссылка на статью:

Колозариди П. В., Макушева М. О. Интернет как проблемное поле социальных наук // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 1—11. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.01.

For citation:

Kolozaridi P.V., Makusheva M.O. The Internet as a problematic field of study in social sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 1—11. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.01.

П. В. Колозариди, М. О. Макушева
ИНТЕРНЕТ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Вступительная статья приглашенных редакторов

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК (ВСТУПИТЕЛЬ-
НАЯ СТАТЬЯ ПРИГЛАШЕННЫХ
РЕДАКТОРОВ)

THE INTERNET AS A PROBLEMATIC
FIELD OF STUDY IN SOCIAL SCIENCES

КОЛОЗАРИДИ Полина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; координатор Клуба любителей интернета и общества, Москва, Россия. E-MAIL: poli.kolozaridi@gmail.com ORCID: 0000-0001-5213-0235

Polina V. KOLOZARIDI^{1,2} — Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow; Coordinator E-MAIL: poli.kolozaridi@gmail.com ORCID: 0000-0001-5213-0235

¹ Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Club for Internet and Society Enthusiasts, Moscow, Russia

*МАКУШЕВА Мария Олеговна — кандидат социологических наук, аналитик, ВЦИОМ, Москва, Россия.
E-MAIL: makusheva_m@wciom.com
ORCID: 0000-0002-1696-3149*

*Maria O. MAKUSHEVA³ — Cand. Sci. (Sociol.), Analyst
E-MAIL: makusheva_m@wciom.com
ORCID: 0000-0002-1696-3149*

³ Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

Аннотация. По состоянию на 2018 год интернет в качестве исследовательского объекта напоминает подростка, который уже обрёл самостоятельность и понимает, что взаимодействует с другими, но хочет решительно изменить всю систему, чтобы найти в ней место. По крайней мере, именно такое впечатление об интернете — как о неуклюжем, толком непонятом, но амбициозном объекте, возникает, когда читаешь материалы, посвящённые столкновению классических подходов социальных наук и исследований, связанных с интернетом. В этом номере журнала Мониторинг общественного мнения мы предлагаем посмотреть на разные сценарии взаимодействия интернет-исследований и классических подходов социальных наук. Наш фокус — не на методологии (это отдельная и важная тема), а на интернете как объекте и проблеме. Мы обратимся к интернет-исследованиям, которые как международно признанная междисциплинарная область, аккумулируют знание, связанное с интернетом как социальным явлением. В роли социальных наук в данном случае — социология и антропология. Вместе с ними интернетом занимаются другие междисциплинарные направления — медиа-исследования, исследования науки и технологий (STS), социальная география и так далее.

Abstract. In the year of 2018, the Internet is no more a wholesome phenomenon, but when recognised as a subject of studies, becomes similar to a teenager having already gained a certain independence. It understands its communication with other people but still wants to change the whole interaction system in order to find its own place. At least, this is exactly the impression we receive: the impression of an ambitious object of study, of a misunderstood one. In this issue we offer you an occasion to think about different scenarios of the relationship between studies on the Internet and classic social sciences approaches. We do not focus on methodological issues, but on the Internet in its being an object of studies and a scientific problem. We focus on studies on the Internet that accumulate knowledge about the Internet as a social phenomenon, being also an international and interdisciplinary area of research. Social sciences are represented in this case by sociology and anthropology, as well as other ones such as mediastudies, studies on sciences and technologies (STS), social geography etc.

Ключевые слова: Интернет, междисциплинарные исследования, медиаисследования, big data

Keywords: Internet, interdisciplinary research, media-research, big data

На 2018 год интернет в качестве исследовательского объекта напоминает подростка, который уже обрел самостоятельность и понимает, что взаимодействует с другими, но хочет решительно изменить всю систему, чтобы найти в ней место.

По крайней мере, именно такое впечатление об интернете — как о неуклюжем, толком непонятом, но амбициозном объекте, — возникает, когда читаешь материалы, посвященные столкновению классических подходов социальных наук и исследований, связанных с интернетом. Но в этом номере журнала «Мониторинг общественного мнения» мы предлагаем посмотреть на разные сценарии взаимодействия интернет-исследований и классических подходов социальных наук. Наш фокус — не на методологии (это отдельная и важная тема), а на интернете как объекте и проблеме. Мы обратимся к интернет-исследованиям, которые, будучи международно признанной междисциплинарной областью, аккумулируют знание, связанное с интернетом как социальным явлением. В роли социальных наук в данном случае выступают социология и антропология. Вместе с ними интернетом занимаются другие междисциплинарные направления — медиаисследования, исследования науки и технологий (STS), социальная география и так далее.

Основное теоретическое и методологическое напряжение связано с тем, что появление интернета показало: некоторые понятия и явления, которые мы могли бы считать очевидными и изученными, требуют уточнений (например, анонимность, соприсутствие, локальность в противоположность глобальности, даже реальность). Что происходит с практиками, для которых соприсутствие, непосредственность контакта, близость и доверие сущностно необходимы при переносе в интернет? Они сохраняются, трансформируясь, или становятся чем-то принципиально другим, нежели их «аналоговые» первоисточники? Что происходит в интернете с практиками, которые изначально были направлены только на участников, когда появляется зритель? Каково значение понятия «анонимность» в интернете? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вернуться к практикам-первоисточникам и попытаться вычленивать то, что составляет их основу. Примеры таких трансформаций представлены в этом номере, например, в статье Елены Соколовой о новых форматах практики аутентичного движения или статье Ангелины Козловской о детских вызываниях на Youtube.

В связи с развитием форматов под вопрос можно поставить само понятие «интернет». С одной стороны, ему можно дать техническое определение — система компьютерных сетей для передачи и хранения информации; с другой — число пользователей превышает 3 млрд человек, и именно то, что они делают посредством систем передачи данных, называется интернетом. Сосуществуют разные по содержанию и формату, механизмам развития и функциям площадки, сервисы, практики и феномены, объединенные общим понятием «интернет».

Вот некоторые примеры того, что обозначается словом «интернет», описанные в этом номере:

- дети вызывают фей и гномов на youtube;
- активисты мобилизуют сторонников в социальных сетях, чтобы выйти на улицы (а иногда — чтобы провести протест в интернете);
- люди играют в Pokemon go и пытаются учесть присутствие с людьми в одном физическом пространстве и в виртуальном пространстве.

Насколько справедливо говорить об интернете как о некотором едином явлении, если мы имеем в виду именно действия пользователей?

Это становится важным вызовом для социальных наук в целом. Одни теории переживут его и обогатятся, другие, наоборот, окажутся нерабочими. Сейчас, в 2018 году, мы не можем точно сказать, что произойдет дальше. Но можем зафиксировать момент и привести разные аргументы: теоретические, методологические и эмпирические, представляющие разные варианты развития социальных наук вместе с интернетом. Для того, чтобы в этом разобраться, нам необходимо провести обзор ключевых вопросов и проблем, которые ставятся в международном поле интернет-исследований, и решений, вопросов и кейсов, собранных в этом номере. Мы обратимся к тому, что такое интернет-исследования, как они устроены, и почему представляют вызовы для социальных наук.

Интернет-исследования как они есть

Интернет-исследования (Internet Studies) существуют как исследовательское направление с 1990-х гг. Это самостоятельное и институционализированное явление (свои конференции и организации) существует в сотрудничестве с другими социальными науками и междисциплинарными проектами, например, медиаисследованиями или исследованиями коммуникации. Внутри интернет-исследований сегодня есть несколько направлений, связанных с разработкой и рефлексией методов, теорий и критическим анализом. Объект интернет-исследований — интернет как явление, влияющее на другие объекты социального мира: институции, акторов, дисциплины, методы; интернет-исследования обращаются к цифровой среде и тому, что люди делают, как используют социальные медиа и онлайн-сервисы. Интернет-исследователи стараются понять, что, собственно, происходит в связи с интернетом в социальной жизни, и этим отличаются от остальных исследователей как представителей отдельных дисциплин (социологов, психологов, антропологов), так и тех, кто разрабатывает методы (например, аналитиков данных). При этом в интернет-исследованиях нет канонических книг или авторов, само это направление сравнительно молодо и постоянно меняется.

Готовя номер, мы задавались вопросом: насколько справедливо одни работы рубрицировать как «социологию интернета», другие — как «междисциплинарные исследования». Сохраняются ли прежние дисциплинарные рамки (при всей их условности) при изучении интернета?

Аннет Маркхэм анализирует эту непростую междисциплинарную жизнь в статье 2005 г. и пишет, что в интернет-исследованиях, как и во всех новых исследовательских полях, происходит «дискурсивное закрытие (closure)» [Markham, 2005] — всем явлениям даются определения, возникают устойчивые формы обсуждения для каждого из них. Наконец, происходит нейтрализация и натурализация, появляются «свои» и «чужие» темы [Markham, 2005]. По мнению Маркхэм,

период становления и гибкости стоит сохранять как можно дольше, так как он продуктивен и для самой дисциплины, и для развития наук в демократическом ключе. Это дает возможность доселе неоформленным подходам и языкам описания стать частью общего процесса производства знания.

Вместе с оформлением и институционализацией интернет-исследования переживают тематические трансформации. Барри Веллман описал их как «три эпохи интернет-исследований», связанных с утопией социальных трансформаций (начало 1990-х гг.), подсчетом пользовательской активности и статистикой в интернете (конец 1990-х гг.) и обращением к фигуре пользователя (начало 2000-х). В статье 2004 г. эти три эпохи представляются почти очевидными, но неясно, можно ли представить развитие тех же нарративов и дальше [Wellman, 2004]. Переходим ли мы к следующей эпохе, и как это связано с другими видами знания?

Парадоксальным образом связь с другими видами знания осуществляется не через эпистемологию, а через политику и эмпирику. Для социальных наук, впрочем, это не ново: так происходило становление исследований, например, феминизма [Silius, 2010].

Для того чтобы в этом разобраться, нужно обратиться к тому, как интернет-исследования описывают свой политический смысл. Во многом он связан с утопиями, сформировавшимися и развивавшимися на протяжении всего XX в. [Колозариди, 2015]. К началу XXI в. особыми свойствами трансформировать привычный социальный мир оказывается наделен не только сам интернет (будучи, по выражению Уильяма Даттона, «пятой властью»), но и его изучение [Dutton, 2009].

Научное поле здесь связано с социальным очень плотно и вполне очевидно: исследователи чаще находятся в университетах. Их организационное знание противостоит знанию, происходящему от экспертов корпораций, и в немалой степени политически заряжено, что связано и с этосом науки, и с утопиями вокруг интернета (свобода распространения информации и знания и т. д.). Однако университеты встроены в капиталистическую систему, и тем же исследователям приходится взаимодействовать и с корпорациями, и с политическими организациями, и в итоге вызовом для исследователей становится не только междисциплинарное, но и интердисциплинарное знание, а также знание, которое производится во взаимодействии университетов и внешних по отношению к ним организаций [Обыденное и научное знание..., 2016].

Интернет-исследования и социология: тематические вызовы

Рассмотрим основные конфликты, возникающие в отношении терминов и исследовательских предметов, и представим, как они могут развиваться в дальнейшем. Первый и самый обсуждаемый — вопрос о различии или сходстве социальных явлений в онлайн и офлайн-среде. Максимальное общее слово «явление» скрывает в себе несколько вопросов.

Вопрос о пространстве: имеет ли происходящее в интернете статус происходящего в другом пространстве, обладающего специфическими характеристиками? Он возникает на разных уровнях у теоретиков еще до интернета, например, можно прочесть широкую дискуссию о роли медиа, начавшуюся с Дж. Мейровица [Meyrowitz, 2005]. Теоретически это связано, например, с разработкой теории

фреймов (см. работы Э. Марвик и Д. Бойд, их разработки коллапса контекстов и приватно-публичного пространства [Marwick, Boyd, 2014]). На практике этот вопрос приводит к трудностям дефиниции. Даже само использование слова «интернет» в обыденной речи часто строится на онтологической метафоре «пространства»: есть вещи, происходящие «в интернете», есть вещи, происходящие «в реальности», интернет — принципиально другое пространство, нежели пространство наших физических действий. Аннет Маркхэм предлагает несколько основных метафор: интернет как пространство, инструмент и часть образа жизни [Markham, 2003]. В исследованиях ван дер Бумен показано, в какой степени разнообразие метафор может повлиять на то, как потом воспринимается и чем становится технология, в частности, интернет [van den Boomen, 2014]. Наконец, Робин Манселл показывает, как воображаемое об интернете влияет на стейкхолдеров и их выбор разных политик и подходов к управлению и принятию решений [Mansell, 2012].

Вопрос о действии: является ли социальное действие в интернете аналогичным социальному действию офлайн? Самые известные работы по этой теме посвящены организации и общим действиям онлайн-сообществ и активистов. У. Беннет и А. Сегерберг выработали специальное понятие «коннективное действие» по аналогии с коллективным, но обладающим рядом особенностей, отсылающих к силе слабых связей и сложно устроенному пространству взаимодействия, коммуникации и информации [Bennet, Segerberg, 2012]. Есть и более радикальные подходы, например, в книге «Networked: the new social operating system», посвященной изменению социальности (от групп к индивидам), происходящей в интернет-среде, Б. Веллман и Л. Рэйни предлагают считать, что действие, коммуникация и информация являются одним и тем же, если мы говорим об онлайн-взаимодействии [Rainie, Wellman, 2012].

Все эти вопросы не могут остаться исключительно теоретическими, они начинаются и заканчиваются в социальной жизни. Без них невозможно делать суждения о статусе событий в повседневной жизни. В каком, например, пространстве, консолидируются сторонники передачи Исаакиевского собора Русской Православной церкви и противники такого решения? Как возможно совместное употребление алкоголя за дружеской беседой по скайпу? Или игра в Pokemon go? На основе каких характеристик можно сделать вывод о достоверности практики, которая изначально предполагала присутствие происходящего (об этом статья Ангелины Козловской; ответы на часть из этих вопросов можно увидеть в тексте Елены Соколовой) или политического явления (эти темы в центре коллективных работ Александры Архиповой* и др., Николая Головина и др.).

Наконец, без принятия решения о статусе реальности невозможно понять природу данных из интернета, обосновать новые методы их сбора и сравнить с данными, получаемыми традиционными для социальных наук методами. Какими особенностями обладают первые, как они согласуются с другими методами сбора информации? Как мы видим в статье социального географа Надежды Замятиной и математика Алексея Яшунского, этот вопрос важен не только для социальных наук, он касается и других дисциплин. Авторы анализируют «виртуальное население» России — данные по городам, извлеченные из анкет пользователей социальной сети «ВКонтакте», эта статья представляет разнообразные инструменты, которые,

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

видимо, могут при должной рефлексии стать частью репертуара социальных наук. Но это требует дополнительной концептуальной работы, во многом критической по отношению к понятиям «виртуальный», «реальный», «локальный» и так далее.

Важно зафиксировать такую трансформацию уже сегодня, потому что она предвещает те дискуссии, которые еще предстоят в следующие годы — о статусе взаимодействия в технически более продвинутом мире. Когда будут разрабатывать правила, например, бракосочетания на расстоянии, важно будет понимать, как мы ставим вопрос о статусе присутствия. Уже сейчас использование цифровых данных заставляет эмпирических исследователей принимать решения каждый день. Что они считают действием в интернете? Как действие в интернете связано с поведением офлайн? Какова природа данных, получаемых при наблюдении за поведением пользователей в интернете, и сопоставимы ли данные, собранные онлайн и офлайн?

Публичность и присутствие

Этот номер был собран через интернет: статьи присылали по электронной почте, переписка шла в чатах, файлы редактировались в облачном сервисе. Обсуждая статьи, мы переходили от дискуссии в чате с редакторами в режим личной переписки. Несколько раз мы созванивались и два раза увиделись офлайн (оба раза случайно). Одни темы уместно обсуждать в общем чате, для других нужно переключаться в личную переписку. Разделенность форматов, необходимость учитывать асинхронность присутствия других нередко воспринимаются как естественные в face-to-face коммуникации, но как проблемные — в опосредованной коммуникации.

Тема присутствия стала одной из ключевых для статьи Константина Глазкова о мобильном телефоне как источнике портативной вовлеченности. Разрабатывая гофманианский подход, Глазков конструирует и новые теоретические вопросы, проблематизирующие статус социального действия в контексте взаимодействия с публикой, необходимости вырабатывать новые нормы и консенсус вокруг них в связи с распространением практики расщепленного (онлайн и офлайн) присутствия.

Еще более остро этот вопрос стоит в работе Ангелины Козловской, хотя ее кейс — совершенно противоположный. Объектом исследования стала онлайн-репрезентация вызывания сверхъестественных существ. Дело в том, что традиционно вызывание гномика-матершинника или Пиковой дамы было коллективным действием, в котором всем участникам было необходимо удостовериться в том, что ритуал привел к желаемому результату, и существо появилось. Но как можно верифицировать это через видеоблог? Кто будет теми peers, которые зафиксируют факт и сообщат о его подлинности? Козловская анализирует комментарии детей-видеоблогеров и выявляет критерии правдоподобности, которые они используют. Важен и вопрос о статусе действия и сохранении/трансформации прежней практики с появлением наблюдателя, для которого ведется съемка и публикуется ролик на интернет-платформе. То есть игра как самоцель превращается в демонстрацию.

И снова вопрос о социальном действии оказывается неотделим от вопроса о публичности. В работах, касающихся темы протеста (коллективные работы А. Архиповой* и др., Н. Головина и др.), этот вопрос возникает в первую очередь. Публичность оказывается в этом контексте не просто вопросом социальным,

а политическим. Является ли публикация в интернете протестом — решают суд и полиция, действует ли онлайн-протест на принятие других решений — решается в каждой ситуации, где онлайн и офлайн перемешаны. Работа А. Архиповой* и её коллег начинается с определения митинга-1 и митинга-2, которые не просто представляют трансляцию протестов в интернет и роль интернета как медиа. Они создают митинг в интернете как отдельную и действенную форму протеста: ее обсуждают, ее могут считать правонарушением (белорусский суд постановил, что пикет, который был проведен в интернете (участники выложили фотографию с флагом и лозунгом, добавленным к фотографии в Фотошопе) является таким же «настоящим», как и оффлайн пикет). Что отчасти согласуется с теоремой Томаса: явления, воспринимаемые как реальные, реальны по своим последствиям.

Напротив, интернет-взаимодействие часто позволяет создавать все больше различий, в частности, показывая, как понятия, которые мы воспринимали бы как бинарные оппозиции, на деле являются частью диапазона или континуума значений. Так происходит с понятием анонимности, которое Оксана Дорофеева изучила на кейсах репрезентации сексуального насилия в флешмобе #янебоюсь-сказать и паблике «Подслушано». Интересно и то, что производит эти новые различия, — массовое действие и внимание, в том числе меняющее нормативность, например, в ходе флешмобов. Это трансформация нашего понимания того, что такое толпа ([Моисеев, 2016] и как она устанавливает правила.

Приходится пересматривать не только статус социального действия, но и сам подход: применять смешанные методы, комбинировать теории и постоянно рефлексировать, что именно имеется в виду в каждом конкретном случае.

Интернет-исследования и универсальность

Интернет возник как явление универсальное и глобальное (см., например, описание этого процесса [Berners-Lee, Fischetti M., 2000]), не связанное с конкретной страной, хотя и несущее историческое наследие американской истории своего возникновения [Abbate, 1999; Haigh, Russell, Dutton, 2015]. Сегодня мы все чаще говорим о локальности в связи с интернетом. Интернет-среда оказывается средой для локальных возможностей — вот основная идея размышления об интернете после глобальности, ей посвящены и крупные исследования. Например, «Why we post», исследование антропологов, которые в течение 15 месяцев жили в восьми странах мира и исследовали, как разные социальные группы взаимодействуют с социальными медиа. Одним из открытий этого исследования стало понятие полимедиа, объясняющее, как настроить оптику исследования так, чтобы она схватывала не единственную функцию медиа (придуманную в кабинете разработчиков), а всю и многообразие функций и способов использования.

Один из вопросов, история которого куда длинней, чем история интернета, — культурная глобализация, универсализация. Глобальные коммуникации вроде бы создают глобальное мнение и универсальные практики. Но действительно ли речь идет о глобальности? Гипотезы о публичной сфере и формировании глобального сообщества с единым вектором интереса и оценки стоит проверять эмпирически. Эта проблема ставится в работе Светланы Бодруновой и её соавторов. Отдельные информационные волны вовлекают людей из разных стран, и пользователи участ-

вуют в спонтанных дискуссиях. Но существуют языковые границы, не позволяющие развиваться глобальной, кросс-культурной публичной сфере. На примере двух основных на хэштегах дискуссий с взаимоисключающими ценностными позициями — #JeSuisCharlie and #JeNeSuisPasCharlie, — исследователи изучают, как возникают барьеры, основанные на языковых и иных, обусловленных идеологией, различиях.

Одна из интересных тем в рамках интернет-исследований — «принудительная сила» интернета. Если тебя нет в интернете — тебя нет. Каждое движение, организация, группа по интересам, стремящаяся к распространению своих идей и поиску новых членов, или же просто боящаяся забвения, должна быть в интернете. Если этого не делает официальный представитель, сделают рядовые сторонники. Интернет создает большие возможности для распространения и меняет групповые отношения. И вопрос о пределах изменчивости является проблемным.

Этой теме посвящена статья Елены Соколовой. Она рассказывает о новых форматах практики аутентичного движения в интернете. Развитие интернета как площадки продвижения, необходимость присутствия в интернете вынуждает обратиться к нему даже представителей таких практик, перенос которых в интернет, казалось бы, противоречит их базовым принципам — телесно-чувственному опыту, соприсутствию. Соколова анализирует, как происходит цифровая интеграция таких практик, что при этом редуцируется, какие новые возможности появляются.

Интернет-исследования, социология и локальность

В номере есть и материалы, представляющие еще более масштабное направление исследований — связанные с темой локальности. Авторы рассматривают кейсы, обращаясь к темам, о которых мы упоминали выше: публичности и социального действия. Сергей Давыдов и Ольга Логунова в статье о городских пабликах описывают поле, представляют мотивации создателей пабликов и типологию их самих. Сейчас сложно сказать, чем это явление станет в ходе развития медиасреды, но исследователи показывают, что оно представляет собой сейчас и как соотносится с функциями СМИ.

Алевтина Бородулина делает следующий шаг: показывает, что мессенджеры и онлайн-среда участвуют в создании новой связности и изоляции. В центре внимания — антропологические исследования А. Бородулиной на Сахалине, где в отсутствие публичных пространств вся социальная жизнь оказывается в мессенджерах. При этом мессенджеры занимают нишу не «универсальной сети» или публичного пространства по Хабермасу, а наоборот, позволяют создавать новые типы связей. Статус их публичности, а также локальности (или транслокальности) — все это проблематизируется в данной статье.

Ольга Вербилович тоже анализирует публичность, напрямую сопоставляя старые и новые медиа, онлайн и офлайн-среду, выявляя, как трансформация среды происходит вместе с трансформацией нормативности (в этом текст перекликается со статьей Оксаны Дорофеевой).

Акторно-сетевая теория используется в материале Николая Руденко и Александра Широкова, посвященном совершенно другой системе взаимодействий — игровому пространству No Man's Sky, которое было представлено разными способами на разных платформах: в виде трейлеров на Youtube и в самой игре.

Исследователи обращаются к тому, как был сконструирован «хайп», шумиха вокруг этой игры, и почему она стала одной из причин провала игры.

Поворот к пользователю, к тому, что происходит на уровне практик, — это тоже важная часть современных исследований, ставящих вопрос о социальном порядке. В частности, мы видим это в междисциплинарной работе филолога Анны Герасимовой о читательских отзывах на художественную литературу в интернете. Читатели создают новое поле, о котором пока нельзя сказать определенно, будет ли оно конкурировать или как-то взаимодействовать с полем профессиональной критики. Фокус исследовательского внимания обращен к тому, как соотносятся высказывания «наивных рецензентов» с литературоведением. Выясняется, что это соотношение стало возможно определить только благодаря онлайн-среде. В этом смысле теория рецептивной эстетики, стоящая за вопросом о том, как мы, собственно, воспринимаем культуру, получила больше возможностей благодаря включению элементов интернет-исследований в свой репертуар.

Интернет возникает как проблема и объект, но он интерпретируется, обрастает метафорами, необходимыми для исследования. Будучи средством и инструментом, он влияет на другие инструменты исследований, претерпевает изменения. Интернет как научный факт конструируется с помощью разных оптик и метафор, но все же остается распознаваемым для разных дисциплин. В каком-то смысле он оказывается тем, что не схватывается и требует дополнительного изучения, тем, что ускользает. Казалось бы, все отдельные составляющие действия, коммуникации и медиавещания уже изучены, на стыке этих понятий возникает что-то новое, требующее исследования. Интернет в конечном счете не выходит за рамки своего словарного определения, это не существительное, которое может обозначить состоявшуюся взаимосвязь, а постоянный процесс. Исследование этого постоянного изменения превращается в мониторинг, который необходимо все время проводить и который уже невозможен без участия самого интернета.

Список литературы (References)

Колозариди П. В. Утопия и идеология в исследованиях Интернета // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 144—158.

Kolozaridi P. V. (2015) Utopia and ideology in the internet studies. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 5. P. 144—158. (in Russ.)

Моисеев С. П. «Реабилитация» понятия «масса» в социальных науках: поиск обобщающего определения // Социология: 4М. 2016. № 42. С. 61—83.

Moiseev S. P. (2016) «Rehabilitation» of the concept of «mass» in the social sciences: the search for a general definition. Sociology: 4M. No. 42. P. 61—83. (In Russ.)

Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: монография / под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2016.

Lay and Academic Knowledge about Society: Interconnections and Reconfigurations [monograph] (2016) / I. F. Deviatko, R. N. Abramov, I. V. Katerny. Moscow, Progress-Tradition. (in Russ.)

Abbate J. (1999). *Inventing the internet*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.

Berners-Lee T., Fischetti M. (2000). *Weaving the Web: The original design and ultimate destiny of the World Wide Web by its inventor*. New York: HarperCollins.

Dutton W. H. (2009) The fifth estate emerging through the network of networks. *Prometheus*. Vol. 27. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.1080/08109020802657453>.

Haigh T., Russell A. L., Dutton W. H. (2015). Histories of the Internet: Introducing a special issue of information & culture. *Information & Culture*. Vol. 50. No. 2. P. 143—159. <https://doi.org/10.7560/IC50201>.

Mansell R. (2012) Social Imaginaries of the Information Society. In: Mansell R. *Imagining the Internet: Communication, innovation, and governance*. Oxford, UK: Oxford University Press. P. 29—66.

Markham A. N. (2003) Metaphors reflecting and shaping the reality of the Internet: Tool, place, way of being. *Paper presented at the conference of the International Association of Internet Researchers in Toronto, Canada, October 2003*. P. 16—19.

Markham A. N. (2005) Disciplining the future: A critical organizational analysis of Internet studies. *The Information Society*. Vol. 21. No. 4. P. 257—267. <https://doi.org/10.1080/01972240591007571>.

Marwick A. E., Boyd D. (2014) Networked privacy: How teenagers negotiate context in social media. *New Media & Society*. Vol. 16. No. 7. P. 1051—1067. <https://doi.org/10.1177/1461444814543995>.

Meyrowitz J. (2005) The Rise of Glocality: New Senses of Place and Identity in the Global Village. In: K. Nyíri (ed.), *A Sense of Place: The global and the local in mobile communication*, Passagen Verlag, Vienna. P. 21—31.

Rainie L., Wellman B. (2012) *Networked: The new social operating system*. Cambridge, MA: Mit Press.

Silius H. (2010) The timeliness of a social turn in Feminist Studies. *NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. Vol. 18. No. 4. P. C. 279—283. <https://doi.org/10.1080/08038740.2010.521138>.

van den Boomen M. V.T. (2014) *Transcoding the Digital: How Metaphors Matter in New Media*. Diss. Amsterdam: Institute of Network Cultures. Utrecht University Repository.

Wellman B. (2004) The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago. *New media & society*. Vol. 6. No. 1. P. 123—129. <https://doi.org/10.1177/1461444804040633>.